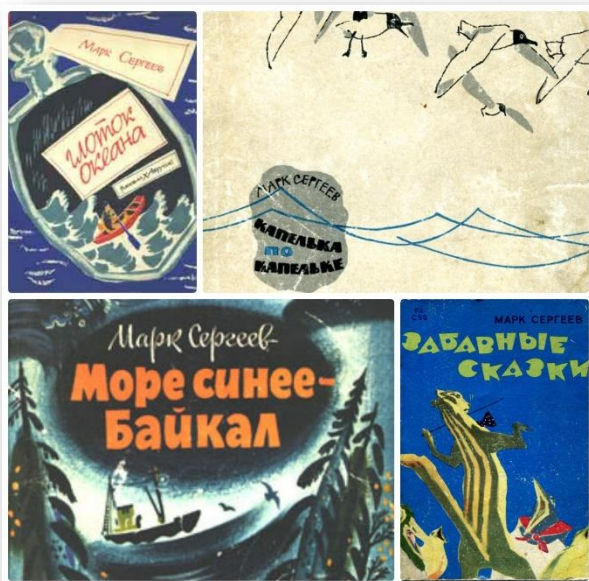

Год Байкала в Иркутской области

«Чем выше в гору – тем Байкал видней...»
Стихи и произведения Марка Сергеева о Байкале

Иркутск
2021

84(2=411.2)6

Ч42

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева

Составитель *В. А. Копылова*

Редактор *И. Б. Бражникова*

Ответственный за выпуск *Я. Ю. Гавриш*

«Чем выше в гору – тем Байкал видней...»: стихи и произведения Марка Сергеева о Байкале / М. Сергеев. – Иркутск : Издание Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева, 2021. – 44 с. – (Год Байкала в Иркутской области).

В 2021 году исполняется 95 лет со дня рождения иркутского писателя, поэта М. Д. Сергеева, а также этот год объявлен губернатором Иркутской области Годом Байкала.

В сборник вошли произведения Марка Давидовича о Байкале: стихи, сказка «Глоток океана», рассказы «Море синее – Байкал» написанные в разные годы его творческой деятельности.

Марк Сергеев о Байкале

«Природа везде прекрасна – и там, где вечные арктические льды заполняют пространство холодными бело-синими однообразными глыбами, и там, где буйствует дикое цветение джунглей, и там, где, казалось бы, само название ландшафта овекает нас скукой и безнадежностью – в пустыне, и там, где на тысячи верст лежит нехоженная тайга.

И все же есть в мире места, в которых природа выстроила самые заветные свои палаты, куда собрала поистине музейные чудеса, где в полную силу проявились и ее титаническая мощь, и ее материнская нежность, ее любовь ко всему живому и ее мистическое чувство гармонии. Не много найдется уголков на земле, где можно узреть одновременно детство, юность, молодость, старость и даже глубокую древность мира и в тоже время его предсказуемую будущность, сосредоточенные на едином, неповторимо созданном пространстве.

Одно из таких заветных мест – загадочный Байкал.

Мы приходим к нему и нас поражают его одухотворенность, его живая суть, необозримые пространства и неожиданные метаморфозы. На глазах, с каждой минутой, меняется цвет байкальской воды – от нежно-голубого, как ранняя незабудка, до пронзительно синего; и, словно, брызги его вод, выплеснутые в пространство дерзким ветром, синют в скальных берегах чистейшие, небесные прожилки лазурита, редчайшего камня-самцвета. А вскоре вода может стать сверкающе серой, как серебряная руда в горах Забайкалья, потом свинцовой или черной, как уголь в ближайших каменных копях...

Конечно, впечатления от краткого пребывания у заветных берегов и даже плавания по дышащей, меняющей цвета шири – разительны. Но когда ты проводишь на Байкале день, месяц, год, всю жизнь, впечатления эти нисколько не ослабевают. Ибо за каждым мысом, входящим остро или плавно в ослепительную синеву, сокрыты новые и новые тайны...

На Байкале все загадочно – и скала, и дерево, и птица, и сама байкальская вода...

И мы верим, что священное сибирское море, его приворотная вода, его несравненные берега вечно будут облагораживать душу человека, служить ему примером чистоты, естественности и благородства...»¹

¹ Байкал = Baikal : [альбом] / фотохудожник П. Малиновский ; автор-составитель Марк Сергеев. Москва, 1993. 238 с.

Стихи о Байкале

А что это такое?

А что это такое,
Такое голубое,
Холодное, как льдинка,
Прозрачно, как стекло?
Быть может, это небо
За сосны зацепилось,
По скалам покатилося
И на землю стекло?

А что это такое,
Такое золотое,
Блестящее, как зеркало,
Слепящее глаза?
Быть может, это солнце
Легло поспать под скалы,
Оно лежит устало,
Закрыв свои глаза?

А что это такое
Всё время в непокое,
Быть может, это туча
Застряла среди скал?
А это и не туча,
А это и не небо,
А это и не солнце,
А озеро Байкал!

Байкал стынет

Ой, налетела зима
белой гусыней,
и отморозили щеки
на ветру берега.
И холодеет Байкал,
стынет старик,
стынет,
и засыпают его
утренние снега.
Стужа клонит ко сну,
да в старости – плохо спится,
у январских ветров
косноязычна речь.
Все же летите, ветра,
да разыщите синицу,
может, она и вправду
сможет море поджечь?

Байкал

Лесистых гор полуовалы,
касание голубых лекал.
И скалы, срезанные валом,
и небо, павшее в Байкал,
и сам он – величав и вечен
в гранитной раме вырезной.
И весь – до донышка – просвечен,
и весь – до капельки – родной.
И Ангары полет строптивый,
и ветра крик, и гул турбин,
и птицы-сосны над обрывом,
и дикий ветер баргузин –
все это, без чего не в силах
быть далью даль и ширью ширь,
и ты немыслима, Россия,
и ты немыслима, Сибирь.

Байкальский тракт

Лучи процеживает лесок,
ложатся тени
наискосок,
попеременно –
свет, тень,
поочередно –
ночь, день.

Вся жизнь моя –
полосатый трап,
вся жизнь моя,
как байкальский тракт, -
вверх – вниз,
вверх – вниз,
всю жизнь,
всю жизнь!

А полосы, полосы на снегу!
По черным, как будто бы сквозь пургу,
по светлым, как будто бы через смех! –
вниз – вверх,
вниз – вверх...

Но там, вдалеке,
у конца моих дней
Байкал все видней,
все видней,
все видней!

Баргузин

Ударил на рассвете баргузин,
и сосны закачались от испуга,
и волны, ударяясь друг о друга,
как факелы, взметнулись из глубин.

Уже на небе проступила мгла,

но гребни продолжали так светиться,
что верилось: осенняя синица
крылом небрежным море подожгла.

Огонь багряный в Ангару впадал,
и, ударяясь в лопасти турбины,
по проводам легко и голубино
летел разбушевавшийся Байкал.

...Я лампу золотистую зажгу,
и, не мигая, загляжусь невольно,
и вдруг увижу: загорелись волны,
и сосны все дрожат на берегу.

Бухта Песчаная

За непрочную дымкой туманной,
от больших городов вдалеке,
повстречались мы в бухте Песчаной
и лежим на горячем песке.
Синебокая дышит прохлада,
за волной нагоняет волну,
и лежит голубая громада –
все семьсот километров в длину.
Сразу большое стало небольшим,
и любая невзгода – мала,
и гремит старый мыс Колокольный,
как старинные колокола.
И под крики смятенные чаек,
и в дрожанье лесных повилик,
нас с тобою небрежно венчает
круглый, божеский, солнечный лик.

* * *

Весь вечер сижу у Байкала

на теплой спине валуна...
Волна, что уже пробежала,
опять воспарила со дня.
Под ветром шершавым, восточным,
в студеной созрев глубине,
она же, такая же точно,
торопится резво ко мне.
О камень, в воинственном раже,
в жемчужины разнесена,
все та же, все та же, все та же
восходит и мчится волна.
И думаю я, удивляясь,
глазами следя волнобой:
о как бы, все время меняясь,
всегда оставаться собой?

Ветеран

Где Байкал крутые волны катит,
где прибой от пены бородат,
на причале спит рыбацкий катер –
демобилизированный солдат.

У него на палубе зеленой,
полинявшей от морской воды,
как на гимнастике от погонов, –
от орудий темные следы.

Он в боях немало поработал,
и теперь ему не привыкать
на Байкале до седьмого пота
день-деньской с волнами воевать,

и с особой дружескою лаской
в знак его заслуг, трудов и ран
кто-то вывел бронзовою краской

на борту у носа: «Ветеран».

Голомянка

Голомянка – уникальная живородящая,
жирная до прозрачности рыбка,
живущая в Байкале. Никогда
не собирается в стаи.

Я к Байкалу иду спозаранку,
говорю я ему с улыбкой:
– Одари меня, море, рыбкой,
дай ты мне поймать голомянку.
Эта рыбка на вид невзрачна,
но зато она так прозрачна,
что к глазам поднесу поближе –
сквозь нее чудеса увижу.
Я мгновенным окину оком
все, что близко и что далеко,
все, что в дальней дали зыбится,
да не может никак забыться.
...Волны косят и косят камень,
ходят омули косяками,
что там просьбы и что – приманка! –
не плывет ко мне голомянка.
А Байкал все валы листает,
пригоняет мне рыбы стаи:
вот вам хариус,
вот вам омуль,
не пора направляться к дому ль?
Угасает моя улыбка:
где ты, где голомянка-рыбка?
По каким глубинным потокам
бродишь ты, как и я, одиноко?
Надо мною смеются люди,
но приду я опять спозаранку...
Ты не дай разувериться в чуде,

ты ко мне приплыви, голомянка.

Голуби Балатона

Меня на рассвете будят
дикие голуби Балатона.
И сквозь остатки сна,
и сквозь дождя бормотанье
я слышу их горький крик:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
... И я вспоминаю дожди
нашей первой разлуки.
Горестные и счастливые,
шли они целый месяц
и размывали след,
что уводил от тебя.
Это было давно...
Один на один с непогодой
я шел по кромке Байкала
дождями пропитанный насквозь
(их даже одежда больше
в себя не могла впитать).
А я разговаривал с небом,
заглядывал в лица сопкам,
но выше, чем сопки и небо,
была тоска о тебе.
Тогда, за скалой притаившись,
я ловил запоздалые тучи
и с ними тебе посылал
стихи, как тайга, зеленые.
В них строки были корявы,
но сердце в стихах кричало:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!

И тучи летели к тебе,
и каждая капля дождя
падала каплею крика
на белый твой подоконник:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
... Меня на рассвете будят
дикие голуби Балатона
И я надеваю плащ,
потрепанную болонью,
с прорезами от аварии,
ловко закрытыми скочем,
зашитыми твоими руками,
и выхожу под дождь
тысячной нашей разлуки.
Иду по негулким улицам
венгерского городка.
(Его черепичные крыши –
точно кусочки рассвета,
его камышовые крыши –
точно кусочки полдня.)
Он говорит на мягком,
особенном языке,
похожем на этот дождь.
И он мне кричит
тревожно
устами своих голубей:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
О, счастливы будьте дожди,
парите, как сизые голуби,
крылами касаясь вершин,
дожди нашей первой разлуки
и тысячной нашей разлуки.

Оставьте нам солнце для встречи!
... Я вдруг просыпаюсь среди ночи
от крика.
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
И я растворяю окно –
но в мире стоит тишина.
И только в сердце моем
дикие голуби Балатона
все кричат,
все кричат:
– При-пом-ни!

Его позывные «Байкал»

Когда долетел байконуровский шквал
в январские белые чащи,
мне вдруг показался не морем Байкал,
а синей ракетой летящей.
И выдули солнце из сопок ветра,
качнулась тайга после взлета,
и вдруг полыхнула моя Ангара,
как огненный след звездолета.
И вот – оторвался от леса, от скал,
в пространство межзвездное хлынув,
и вот на орбиту выводит «Байкал»
земляк-звездолетчик Воынов.
Ему позывные даны неспроста:
давно уже символом стала
и сила,
и вечность,
и чистота
священного моря – Байкала.

Золотое слово

Байкальский лес потребовал:

- Пароль!?

- Любовь! – сказал я.

Это слово ждали.

Листва прошелестела мне:

- Изволь...

И предо мною распахнулись дали.

И облаков косматый серый фронт,
что только что забрал в полон осинник,

внезапно отошел за горизонт,

и небо стало откровенно синим.

И сквозь всю кипевшую весну,

ольховый праздник, выплески багула,

я вдруг увидел белую страну,

что за Байкалом горы распахнула.

И горы мне промолвили:

- Пароль?

- Любовь! – сказал я.

Замерли лавины,

и два хребта промолвили:

- Изволь!

И распахнули вдалеке долины.

И растворенный в счастье и беде,

пред чарами сумею ль устоять я?

И, как Христос, пошел я по воде

В распахнутые белые объятия.

* * *

Колдовские превращения воды.

От моторки золотая полоса.

Облака как самолетные следы,

непривычно расчертили небеса.

И Байкал не говорлив, не языкат,
и прилив не развлекается, звеня.
Постепенно опускается закат,
точно чайка, за плечами у меня.

И хребтов в оцепененье синий щит,
даже птичьи песнопенья не слышны...
Словно дикий зверь, автобус прорычит,
и затихнет, застеснявшись тишины.

И стою я у Байкала, не дыша,
весь пронизанный его голубизной,
и блаженно заполняется душа
этой вечной и святою тишиной.

* * *

Неспокоен Байкал, беспокойен,
ветра нет, и царит тишина,
но уставшая быть на приколе
в дикий берег стучится волна.
— Отпустите, — шумит, —
отпустите,
дайте волю, верните простор,
здесь когда-то лежали пустыни,
лес другой был и не было гор.
Я вольготно гуляла по миру,
птеродактиль парил вдалеке,
и лениво резвились тапиры
на горячем прибрежном песке.
Все хранит моя зыбкая память,
хоть столетья плотны, как туман,
надоело вздыматься и падать, —
отпустите меня в океан!

... Напряглось серебристое тело,
оторвалось от вод и земли,
светлым облаком в небо
взлетело, —
океан востепенулся вдали.

Нерприятность

На синем льду Байкала,
близ снежного жилья,
на солнышке лежала
нерпичья семья.
У папы сон тонок,
и храп стоял при том.
А маленький нерпёнок,
совсем ещё ребёнок
(он так привык с пелёнок!),
помахивал хвостом.

И только нерпа-мама
(на то она и мать)
глядела в небо прямо,
не думала дремать.
«Ах, сыну бы силёнок
сегодня... и потом...»
А маленький нерпёнок,
совсем ещё ребёнок
(он так привык с пелёнок!),
помахивал хвостом.

Но ветер, полный зноя,
невежа и нахал,
вдруг поле ледяное
в осколки размахал.
У мамы голос тонок,
она грозит ластом...

А маленький нерпёнок,
совсем ещё ребёнок
(он так привык с пелёнок!),
махает в такт хвостом.

Вот по морю спросонок,
в сиянье золотом,
на льдине плыл нерпёнок,
помахивал хвостом.
«Куда ты, мой упрямый?
Сыночек! Дорогой!» –
плыла на льдине мама
(конечно на другой).

На третьей льдине папа
спал и не знал беды:
не от его ли храпа
ломает ветер льды?
Во сне он видит чудо –
вкуснейшую плотву,
не ведая покуда,
что стало наяву.

На берегу Байкала,
у самой кромки вод,
испуганный немало,
стоял лесной народ.
Все смотрят, плачут, стонут:
«Ах, как бы их спасти!
Сейчас они утонут!
С Байкалом не шути!».

Гудит вода густая,
плывёт семья, плывёт,
но вот уже растаял
под ними синий лёд.

Водою стали глыбы.
Характер моря – крут.
А нерпы словно рыбы –
они ж в воде живут!

Вода – аж ломит зубы.
Сто метров глубины.
А нерпы в тёплых шубах.
А нерпам – хоть бы хны!
Ныряли папа с мамой,
хватали рыбу ртом.
А молодой нерпёнок,
что вырос из пелёнок,
по-прежнему упрямо
махал себе хвостом.

Ночной лов

Баргузин зовется ветром смелых –
на руку погодка рыболовам,
после баргузина (есть примета)
каждый возвращается с уловом.

Вот канат к вертушкам привязали,
оттолкнулись. И с прибором споря,
с бодрой песней весла повернули
и ушли вперед – в ночное море.

Мы гребли одним веслом с рыбачкой –
девушкой решительной и смелой.
Я веслом ворочал неуклюже
и сбивался с ритма то и дело.

Мы травили невод постепенно.
Вдруг привстали парни на баркасе.
– Эй, Ходи! – вскричали дружным

хором
в двадцать два довольных зычных баса.

Заходили лошади на стане —
вмиг канат вертушка натянула.
— А теперь сильнее жми на весла, —
бойкая соседка мне шепнула.

Бригадирской подчинясь команде,
мы на весла жали что есть силы,
и тогда баркас причалил к тони, —
в неводе вода заколесила.

А вдали уже заря алела,
вспыхнул известняк на косогоре —
это мы искрящееся солнце
вытащили неводом из моря.

* * *

Опять всю гальку перебрал прибор...
Что ищешь ты, Байкал, на каждой отмели?
Иль горько пошутили над тобой?
Иль потерял ты что? Иль что-то отняли?
Пусть волны немы — в каждой спрятан крик.
Их гонит боль, едва сойдутся с кручами.
Ты, может, ищешь молодость, старик?
У молодости руки-ноги скручены.
Она далеко, нет путей назад,
гиганты горы в гальку перемолоты,
и время, как невидимый канат,
тугой петлей свою связало молодость.
Вернуть назад с тобой мы не вольны
и мелочишки — той, что годы отняли.
...Коснулись сердца щупальца волны.
Что ищешь ты, Байкал, на этой отмели?

Песня

Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.

(О, это нелегкая повесть!)

Я восемь валов пропущу, пропущу,

я валом девятым умоюсь.

И стану я камнем глубинного дна,

впитавшим студеную просинь.

И пусть меня кверху поднимет волна

и молча ей под ноги бросит.

Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.

Скажи мне, что делать с собою?

Я восемь ветров пропущу, пропущу,

и встречусь я с бурей – сармою.

И стану я чайкой над черной волной,

взметнусь среди грома и вспышек.

И пусть она тайно любит меня мной,

и крик мой восторженный слышит.

Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.

Скажи: как увидаться с нею?

Я восемь ночей пропущу, пропущу,

я выберу ночь потемнее.

И стану звездой, чтоб висеть у окна,

и, горькую чуя истому,

светить ей в пути, если даже она

идет на свиданье к другому.

Прибой

Я слышу посвист отдаленный,

я слышу вал тихоголосый,

как будто там,

на дне зеленом,

все косит кто-то травы,

косит,

все ходит мягко и степенно

в подводном сумрачном лугу.
И горы,
словно копны сена,
стоят на пряном берегу.

Следы

Вода залижет все,
и все она замост...
Так почему же я
узрел издалика,
как от портовых дамб
полоскою прямою
в Байкал уходит след
трудаги-катерка?

Уже он вдалеке
кричит, как ранний кочет,
запутался в седой
байкальской бороде,
а след его лежит
и пропадать не хочет, —
бортами и винтом
начертан на воде.

Пылают огоньки —
воды и солнца дети,
чеканкою легла
на всем просторе рябь,
но темной полосой
в легкогорящем свете
лежит полудуга,
там, где прошел корабль.

Уже за катерком
ушел он в даль морскую,

он сам уже давно
в просторе растворен,
а след его лежит,
лежит – и ни в какую!
И весь его маршрут
на блеске повторен.
Ты только присмотришь,
и на рассвете бледном
в тумане виден след
вчерашнего костра.
И в небе самолет
летает не бесследно –
мелькнул он и исчез,
а в воздухе – дыра.

Читай, читай, следы
их боль неутолима,
читай, покуда юн
и на закате дня:
Весь белый свет лежит
открыто и ранимо,
и верует в тебя,
и верует в меня.

Слюдянка. Ночь

Уже берега не пестры,
и темны байкальские воды.
Как будто ночные костры,
видны вдалеке пароходы.
Кивни благосклонной звезде,
скажи неразменное слово –
и можешь идти по воде
к огням в половине второго.
Спешу, ибо часиков в пять
растает пора наваждений,

и проблески солнца опять
взойдут среди гор и селений,
и в небе растает звезда,
и тезе придет антитеза:
и станет водою – вода,
и станет железом – железо.

* * *

Странными хитросплетеньями
тропок, ветвей, облаков,
пятнами солнца и тенями,
эхом лесных уголков,

ветрами теплыми, вольными
снова меня обласкал,
обнял волнами и волнами
странный кудесник – Байкал.

Жидкий огонь его плавится,
нерпы ныряют, дразня
тех, кто хотел бы прославиться,
что не боится огня.

Облака отсвет натающий
падает робко за мной
в этот зовущий, пугающий,
в этот огонь ледяной.

Тепло

Ночью был у Байкала озноб,
метался старик всю ночь.
Утром солнце пощупало влажный лоб –
решило другу помочь.
Солнце пришло к нему из-за туч –

и стал он тише пруда.
И там,
где к воде прикасался луч,
вспыхивала звезда.

И, значит, уже не бывать беде,
и, значит, ненастье ушло...
Не только людям,
даже воде
необходимо
тепло.

* * *

Тучи лилового цвета
спрятали солнце вдали,
теплые полосы света
не достают до земли.

Вот уже, кажется, рядом
вспыхнут в Байкале, рябя...
так я ни словом, ни взглядом
не дотянусь до тебя.

* * *

Уже в небесах кружевницы
свой тихий узор навели —
там скоро зажгутся зарницы
и грозы коснутся земли.
Узор скомпанован неплотно
и тронут игрою ветров,
как будто на нежных полотнах
старинных скупых мастеров.

Но дерзко и ярко, и броско

от нежности этой святой
Байкал отделен не полоской,
а всей синевою крутой.
Небесным огнем разрисован,
ордою притоков впоен,
прибоями исполосован,
подспудною силой взбугрен,

он – гений, он – дерзкая личность,
сибирский сорвиголова,
ему так чужда анемичность,
ему не нужны кружева.
Он лодку мою величаво
качает, как сизый листок,
и ярко горящая лава
летит изверженьем в исток.

* * *

Чем выше в гору – тем Байкал видней.
Вдали вода прозрачность потеряла
и кажется мерцанием металла,
что выплавлен из наших дум и дней.

Чем выше в гору – тем видней окрест,
всю суетливость погасили воды,
возник мираж простора и свободы,
как испытанье, как особый жест.

Душа, трудись, душа, ищи ответ, –
уступы круты, кислород разрежен, –
но если мы наросты не разрежем –
то счастья нет нам и спасенья нет.

Чем выше в гору – тем все реже лес.
И глаз с тебя природа не спускает,
и чистота святая возникает

от близости Байкала и небес.

* * *

Что происходит с миром,
что с ним сегодня стало? —
Бился Байкал о скалы —
и не видать Байкала:
берег застыл тревожно
в оцепененье замер —
море ушло из моря,
став твоими глазами.
Горы поникли в горе,
опустели откосы:
лес убежал из леса
и обратился в косы.
Поле ушло из поля,
ночь убежала из ночи,
сердце ушло из сердца
и возвращаться не хочет.

Глоток океана ***Сказка***

— Ты знаешь, кто такой омуль?
— Рыба.
— А ты знаешь, где живёт омуль?
— В Байкале.
— А ты знаешь, где лежит Байкал?
— В Сибири.
— Ты многое уже знаешь, однако же не всё.
Послушай-ка, что я тебе расскажу...

Был у нерпы ребёнок,
забавный нерпёнок.
Только был непослушным

ребёнок с пелёнок:
и друзей,
и соседей,
и старую мать
он проказами
очень
любил
донимать.

То холодную льдину
притащит в квартиру,
то без спроса напьётся он
рыбьего жиру,
то глотает сосульки,
как фокусник шпаги,
то в Байкал он ныряет,
исполнен отваги.

А нерпятам —
это известно давно —
в раннем возрасте
плавать
за-
пре-
ще-
но!

Мать ему говорила:
— Беды не наделай!
Ты ж куда малыш ещё,
беленький,
белый.
Вот разгонит весна
ноздреватые льды,
так хоть месяц ты
не выходи из воды!
Ветер в льдины ударит

и сильно,
и грубо,
потемнеет твоя
белоснежная шуба,
вот тогда, мой нерпёнок,
и только тогда,
для тебя неопасною
станет вода.
Только мать за порог,
как в любую погоду
лез нерпёнок в сырую
байкальскую воду,
и на льдину –
ну что с непоседы возьмёшь! –
он тайком выходил
погулять без калош.
Плавал в маминой шляпе
с большими полями
и, не слушаясь папы,
дружил с омулями.
Как-то в сети попал
озорной омулёк,
так нерпёнок
беднягу
из плена извлёк.
Омульку говорила
не раз омулиха:
– Доведёт тебя
дружба с нерпёнком
до лиха.
Разозлится
и съест он тебя,
дуралей.
Свою старую маму,
сынок,
пожалей...

Но случилась с нерпёнком
беда, беда.
Эй, врачи,
поскорее
сюда, сюда!
Эй, премудрый таймень,
ты халат свой надень,
видишь, жар у нерпёнка
пятнадцатый день!

Он родился зимою,
был в белую шубу одет он,
чтоб никто на снегу
нерпёнка увидеть не смог.
Время шубу менять —
белый берег раскрасило лето,
а малыш — точно снег,
а нерпёнок совсем занемог.

Он белый-пребелый лежит, как зима,
он тихий-претихий лежит, как зима,
как будто бы маленький белый сугроб
на летней воде позабыла зима.
Плачет мама.
И папа нерпёнка жалеет.
Но от слёз разве шуба его потемнеет?
Все соседи ревут,
и от этой беды
прибавляется
в море-Байкале
воды.

Ходят волны тревожные
в белой пене,
буря громко стучится
в квартиру тайменя:

– Эй, премудрый таймень,
ты халат свой надень,
очень болен нерпёнок
пятнадцатый день!

Таймень сказал:

– Простите,
Что громко так стучите?
Учёнейший таймень я,
но стар я тем не менее.
Вы б лучше не стучали,
а на своей спине
нерпёнка покачали
и принесли ко мне...
Он градусник ставил нерпёнку,
пощупал нерпёнку печёнку,
потрогал мохнатую шубку,
приставил к спине его трубку.
– Послушать мне вас разрешите...
Дышите...
Теперь не дышите...

Сказал он родителям:

– Странно!
Болезнь неизвестна почти.
И только глоток океана
поможет малышку спасти.
Глоточек зеленой,
глоточек солёной,
глоточек студёной
целебной воды.

– Ты знаешь, что такое озеро?
– Это много-премного воды...
– А море?
– Это – если слить вместе много-премного озёр.

– А что такое океан?
– Это – если слить вместе много-премного морей.
– Ты уже немало знаешь, однако же не всё.
Послушай-ка, что было дальше...

Убита горем нерпа-мать,
не может есть,
не может спать
от думы неустанной,
от беспокойства:
где достать
глоточек океана?!
В Байкале чистая вода,
в Байкале вкусная вода –
холодная,
зелёная,
да только не солёная.
Отец – хороший был пловец,
но постарел уже отец,
на полдороги силы
бедняге не хватило.
Так труден путь
и так далёк –
быстрины
и пороги...
Но верный,
храбрый омулёк
готовился к дороге.
Он про запас
еды припас,
из дома вышел тихо:
он выбрал час,
когда как раз
дремала омулиха.
Он дружбу понимал всерьёз
и для спасенья друга

готов был ринуться в мороз,
пройти жару и выюгу.
Пусть будут сети на пути
и щуки-великаны,
но только б другу принести
глоточек океана.

Он белый-пребелый лежит – океан,
он грозный-прегрозный лежит – океан,
студёную воду из рек и морей
в огромных ладонях
собрал океан.

Плыл денёк омулёк,
плыл второй,
за волною волну рассекал,
но опять
впереди,
позади
и с боков
всё Байкал да Байкал.
Омулёк полежит на спине,
отдохнёт среди губок на дне
и опять всё вперёд,
всё вперёд,
всё вперёд,
в тишине,
в глубине.
Вдруг кто-то полосатый,
как тигр, издалека
метнулся из засады,
напал на омулька.
То близок, то далёк он
(крадётся и хитрит!),
морской разбойник окунь –
прожорливый бандит.

И так он говорит:
– Подоспел, омулёк, к сроку!
Видишь: точит свой нож окунь?
Видишь: точит свой нож,
значит, ты не уйдёшь,
никуда
от меня
не уйдешь!

Обо всём от страха
омулёк забыл,
по воде с размаху
он хвостом забил.
Мчится вглубь,
в сторонку,
в синий полумрак.
А за ним вдогонку
полосатый враг.

Вдруг видит омулёк:
рыбачья сеть.
В такой сети
пришлось ему висеть:
запутался
и выбраться б не смог,
когда б ему нерпёнок не помог.
Малыш глядит на сеть,
да неспроста:
– Ага! Она не очень-то густа!
Я проскочу,
а кто-то наверху
поймает окунишку
на уху!

Прошёл малыш
преграду без труда,

а окунь —
ни туда и ни сюда.
Забился он,
запутался в сети,
он омульку кричит:
— Браток, прости!
Я ж пошутил,
мы, окуни, добры...

В ту ночь малыш доплыл
до Ангары.

— Ты знаешь, сколько сыновей у Байкала?
— Триста тридцать три...
— Ты прав, столько рек ему приносят воду.
— А сколько у Байкала дочерей?
— Совсем мало.
— Сколько же?
— Одна Ангара. Она вытекает из Байкала и спешит к Енисею-реке.
— А куда бежит Енисей?
— Прямо-прямо в океан.
— О, ты даже это знаешь! И всё-таки ты знаешь не всё.
Вот послушай-ка, что было дальше...

С неба падает тихо
звезда-уголёк.
На перине волны
задремал омулёк.
Ангара к Енисею спешит.
И во сне
путешественник едет
на мягкой волне.

Качается перина,
удобная перина.

Но вот загородила
дорогу ей плотина.
О камень разбивается
упругая волна,
боками упирается
в два берега стена.
А в той стене,
а в той стене
машины – быстры,
волна ударит по волне –
сверкают искры.
А в той стене,
а в той стене
э-
лек-
тро-
станция,
и ток,
рождённый в глубине,
к заводам тянется.
По проводам,
по проводам
всё дальше,
выше,
пошла вода,
пошла вода!
Огнями стать спешит вода
под каждой крышей.
Вошёл в дома электроток,
гудит в машинах...

Заплакал горько омулёк
перед плотиной.
Не переплыть,
не обойти
преграды странной.

Как тут нерпёнку принести
глоточек океана?
Глоточек солёной,
глоточек зелёной,
глоточек студёной
целебной воды?

Просыпаются рано
подъемные краны,
достают они солнце
из речного тумана.
Солнце в небе повесят —
сияй во всю мочь!
И глядят великаны:
кому бы помочь?

Над плотиной стоит
добряк великан.
— Кто там плачет с утра? —
удивляется кран.
— Отвечайте скорей,
а иначе
мы и сами
от горя
заплачем...
Он взял омулька на ладошку,
сказал:
— Не робей, омулёшка!
Беду мы немедля поправим,
тебя к океану отправим.
Я знаю:
в реке ты,
как рыба в воде,
но надо спешить,
раз товарищ в беде.
Ты год будешь плыть

по Сибири по всей –
длинна Ангара
и велик Енисей,
покуда лекарство прибудет –
нерпёнка на свете не будет.
Нет, ты не по рекам,
а лучше
помчишься
на туче летучей.
Он тучу-летучу
к плотине привёл,
моторы на туче-летуче завёл.
– А ну-ка, без шума и лени
лети-ка ты, туча, к тюленям!
А ты, омулишка, везучий.
Счастливого плаванья в туче!

А нерпёнку всё хуже и хуже,
вся родня только плачет и тужит,
сам премудрый таймень
затянул свой ремень,
двести тысяч лекарств
он испробовал в день:
аспирин,
глицерин,
панадол,
кофеин,
валерьянку,
касторку
и
пе-ни-цил-лин!
Но пилюли и разные капли
не спасают больного ни капли.

Он белый-пребелый лежит, как зима,
он тихий-претихий лежит, как зима,

как будто бы маленький белый сугроб
на летней воде позабыла зима.

Вдруг туча
в Байкал уронила звезду.
А это из тучи-летучи
смельчак омулёк
соскочил на ходу –
в чешуйки ударился лучик.
И белая фляга
из чистого льда
в глубины Байкала нырнула.
В той фляге – вода,
живая вода,
полна океанского гула.
Полярные ветры,
полярные льды,
сиянья полярного полосы –
всё спрятано
в этом глоточке воды,
добытой у самого полюса.
В глоточке солёной,
в глоточке зелёной,
в глоточке студеной
целебной воды.

– Ты знаешь, кто такой приятель?

– Это человек, с которым ты хорошо знаком, с которым
играешь

в футбол или в тайгу по грибы ходишь.

– А кто такой товарищ?

– Это самый лучший приятель.

– А кто такой друг?

– Это самый лучший товарищ. Если надо – он всё для тебя
сделает: выручить в беде,

поделится самым последним, сделает так, чтобы тебе было хорошо. А если придется –

даже принесёт в ледяной фляге глоточек океана.

– Да, больше мне рассказать нечего. Теперь ты знаешь всё.

– Я даже знаю, какое слово ты сейчас напишешь...

– Какое же?

Конец

МОРЕ СИНЕЕ – БАЙКАЛ

Рассказы

Озеро Байкал... Немало сложено о нём легенд, песен, сказаний. Ведь это озеро самое большое в Европе и Азии. Самое глубокое на Земле. Самое древнее по происхождению. Самое разнообразное по животному миру. Расположено оно в Восточной Сибири. Потому и называют его жемчужиной Сибири.

ЛЕГЕНДА

Стоит мне услышать слово «Байкал» – и затрепещет перед глазами его переменчивая синь, просвеченная до дна щедрым сибирским солнцем. И придёт на память старинная легенда. Будто бы единственная дочь старика Байкала – Ангара сбежала от отца к красавцу богатырю Енисею. Бросил покинутый отец вослед беглянке камень. Камень так и остался в устье реки. В самом деле, виден и сегодня в горловине Ангары камень. Называется – Шаманским камнем.

Легенда говорит, что у старика Байкала триста тридцать шесть сыновей, которые приносят ему воду. А раздаёт богатства единственная дочь – Ангара. Поток двухкилометровой ширины вылетает Ангара из моря, разрезает горы и леса, мчась к Енисею.

Велика сила ангарской воды. Вот почему и выросли на реке небывалой мощности гидроэлектростанции: Иркутская, Братская, Усть-Илимская.

ДАВНЫМ-ДАВНО

Двадцать два миллиона лет живёт на белом свете озеро-море Байкал. Если бы на фантастической Машине Времени удалось нам с вами преодолеть несколько миллионов лет, мы смогли бы привезти из прошлого фотографии жёлтых песчаных берегов. На берегах – пальмы на фоне знойного марева. Бродят древние животные – тапиры.

Потом картина переменялась бы: ледяные горы, полупрозрачные, синие, стиснули Байкал, сжали его, гигантские айсберги заколыхались на заолодевшей воде, и раздался над снежным миром трубный глас мамонта...

Сегодня Байкал отличается от других озёр мира своей глубиной, количеством пресной воды, своим животным и растительным миром.

– Итак, на Байкал? В путь?

– В путь!

ЗДРАВСТВУЙ, БАЙКАЛ!

...Мы едем по лесной дороге. Она то убегает вправо, то влево, то скрывается за кустами, то вновь устремляется вперед... И вдруг там, за деревьями, вдалеке, что-то белое зашевелилось, заколосматилось.

– Это что там такое? – спрашиваете вы, ребята. – Туча, что ли, запуталась в ветках и не может выбраться?

– Это – Байкал.

«Ага, – думаете вы, – Байкал белый и пушистый, сейчас мы его увидим».

Дорога с нами поиграла ещё, потом ей стало скучно, и она побежала сквозь поляну прямо-прямо. Тут подул ветер, и там, впереди, что-то засинело-заголубело.

– Это что там такое? Небо, что ли?

– Нет, это – Байкал.

«Ага, – думаете вы, – Байкал синий. Синий-голубой». Проехали ещё немного. Видите, между соснами что-то сверкает, переливается?

– Солнце горит!

– Какое там солнце, это Байкал сверкает! Лес кончился. И мы увидели белые пряди тумана: он откатился уже далеко от берега, в густую синюю воду, так

сверкающую на солнце, будто выпрыгивают из неё искорки.

– Здравствуй, Байкал!

А Байкал ничего не ответил. Он лежал большой и спокойный. В нём отражалось небо, усыпанное мелкими облаками, остатки тумана клочками тянулись вверх, точно белые косматые птицы, догоняющие свою стаю. А на другой стороне стояли тёмные горы в светлых пятнах. Там снег лежит. «Это летом-то, когда нам всем жарко», – удивляетесь вы.

А сквозь воду видны камни на дне. Вот какая она прозрачная. Когда поплыли на лодке, думал кто-то из ребят, что камни близко, руку в воду сунул, выдернул – обжёгся. Такая холодная, оказывается, вода.

Байкал... Буряты, эвенки, якуты, русские открывали его в разное время и по-своему называли. По-якутски «Бай-кэль» – «Богатое озеро», по-бурятски «Байгаал-Далай» – «обширный, большой, как море», эвенки величали его «Лама» — «Море», русские землепроходцы называли его «Славным морем». Из русских первым увидел сибирское чудо казак-землепроходец Курбат Иванов. В 1643 году шёл он с небольшим отрядом по диким и порожистым рекам сибирским – Ле не, Иликте и Сарме – и увидел, волоком перетаскивали казаки лодку с берега одной реки на берег другой, – вдруг за расступившейся тайгой озеро-море. – Здравствуй, Байкал!

ТАЙГА

В тайге, прилегающей к Байкалу, водятся медведи и косули, изюбри и росомахи. Водится и соболь баргузинского кряжа – особенный, единственный в мире. Чёрная шерсть с лёгкой проседью, мягкая и блестящая, отличает его от родственников, живущих в лесах России, чащобах других северных стран.

Вся северо-восточная часть приморской тайги – знаменитый Баргузинский заповедник, край непуганых зверей и птиц. От горизонта до горизонта лежит тайга. Когда над ней плывут низкие белые облака, из-за которых вырываются столбы солнечного

света, облака видятся зелёными. Когда идут дожди, тайга становится сумрачной. Только поблёскивают мокрые листья, а капли, что висят на каждой хвоинке, кажутся бисером, которым расшила тайгу безвестная вышивальщица. А потом тайга вспыхивает. Точно лисьи хвосты, тянутся к небу берёзы, в нежно-жёлтой шёрстке лиственницы, а модницы осины надевают красные кофты. И только сосны, презирующие моду, стоят зелёными, поглядывая на поделки осени.

ЛИСТВЯНКА

Есть в Сибири хвойное дерево – лиственница. На ветках иголки, а не листья, а называется вон как. Когда-то Природа, рассказывает об этом сказка, раздавала всем деревьям наряды: берёзке дала нежные листочки, кедру – длинные пушистые иголки, сосне – тоже иголки, только другие. Деревья и говорят: «Почему берёзке и осинке такие симпатичные лоскутки, а нам иголки? Мы что, всю жизнь шить будем?» И сказала Природа: «Листья будут появляться весной, а на зиму облетать, а иголки останутся на вас вечно, так будет справедливо». Тут и лиственницы очередь подошла; тогда, правда, у неё ещё имени такого не было. Сперва попросила она иголки, всё-таки среди снегов оставаться всегда зелёной – просто замечательно! Потом вернулась и попросила хоть чуть-чуть сделать её похожей на берёзку. «Хорошо!» – сказала Природа. И у лиственницы остались иголки, как у кедра, сосны и ёлки, но на зиму они стали облетать, как листья у берёзки.

По имени этого дерева назван посёлок на берегу Байкала – Листвянка. В нём все дома построены из прочного, крепко пропитанного смолой дерева лиственницы. На горах, которые прижали село к самой воде, на обрывах, в падах – всюду растут кудрявые деревья, хвоя которых осенью желтеет, потом облетает, и всю зиму на чёрных веточках качаются маленькие лёгкие шишки. Шишки пустые, потому что в свой час высыпались семена на землю, чтобы появились на свет новые и новые лиственницы – удивительные байкальские деревья.

Листвянка вытянулась вдоль берега на десять километров. Сверху посёлок похож на гребешок. Основание гребешка – улица, одна сторона которой – дома, а другая – Байкал. По распадам, там,

где склоны двух гор образуют долину, тоже идут улицы. Как зубчики гребешка. А на горах пасутся козы, коровы.

БУХТА

Мы плыли в лодке по синей байкальской воде. Подальше от берега вода переменяла цвет, она стала тёмно-зелёной и словно светилась изнутри. Потом в ней отразились горы, и лодка срезала будто нарисованные на воде голубовато-белые снежные вершины, они начинали качаться, размываться. Потом Байкал опять стал синим.

Похолодало, потому что и летом вода, оказывается, нагревается посередине Байкала только до тринадцати градусов, а тут ещё ветер навалился. Пришлось куртки надеть. И это в июле, когда на берегу так жарко, что на асфальте остаются следы каблучков.

Бухта появилась неожиданно, с левого борта: полукруглая, словно её вырезали огромными ножницами. Вдалеке, над лесом, поднималась гора, похожая на задумчивого великана. На песке стояли неподвижно олени с зелёными рогами. Сказочная страна!

Сквозь толщу воды в бухте видны цветные яркие камни, поляны зелёных водорослей, по донному песку ходят полупрозрачные тени от волн и ряби, лучи солнца гуляют на дне, из любопытства заглядывая во все уголки.

Бухта называется Песчаной.

ОЛЕНЬ - ЗЕЛЁНЫЕ РОГА

Рыбы уплыли, птицы разлетелись, когда мы причалили. Только олень – зелёные рога стоит неподвижно. Да откуда он взялся, олень – зелёные, бархатные рога? А вот откуда.

Упало весной в тёплый влажный песок семя сосны. А может быть, лежало в нём с осени, закопанное птицей кедровкой. Пригрело солнце. Семя корешок пустило. Проросло тоненькой мягкой метёлочкой. Год за годом поднималась новая жительница тайги, крепла. Чтобы выросло большое хвойное дерево, нужно по крайней мере сто лет. Для человека это большой срок, а для дерева – не очень. На Байкале есть лиственницы и кедры, которым по шестьсот и даже по восемьсот лет!

Ну вот, выросла сосенка, стал с ней играть ветер. Как налетит с Байкала, как схватит её за ветви – вот-вот вытащит и унесёт. А деревце крепче корнями за землю держится. Тогда ветер пускается на хитрость. Оставит в покое игольчатые лапы сосенки, станет песок под ней разбрасывать. А она ещё сильнее за землю держится. Растут её корни, вытягиваются, как ноги оленя, ветер выметает из-под них песок. Сотни лет длится эта игра не на жизнь, а на смерть. Но тот, кто крепко держится за родную землю, всегда выживает. Так и появились сосны, похожие на оленей с зелёными рогами. И растут они в единственном месте на свете – на Байкале.

СТЕКЛЯННАЯ РЫБКА

Нам помахали с борта научного судна. Мы причалили, привязали лодку и поднялись по трапу на палубу. Учёные только что особой сетью выловили в глубине Байкала много всякой всячины: большущего жирного омуля, бычков-жёлтокрылок с плавниками, похожими на золотистые перепончатые веера, разных малюсеньких рачков, смешно шевелящих усами.

– Все эти жители, – торжественно сказали нам, – эндемики.

– Что? Кто?

– Эндемики – значит, больше нигде на земле не повторяющиеся, живущие только здесь. В Байкале. Понятно?

Понятно, что ни таких рыб, ни таких рачков не найдёшь ни в Балтийском море, ни в Тихом океане. Дальние родственники, может быть, и есть, а вот таких не найдёшь.

– А вот это, – говорят нам учёные, – чудо Байкала, рыбка голомянка.

Стеклянная, полупрозрачная, подёрнутая почти не приметными розоватыми разводами, как на мыльном пузыре, рыбка лежала на газете. И сквозь голомянку, как через увеличительное стекло, мы прочитали: «...а девочки Маша Ключева и Аня Горбунова спели песенку».

– Она что, из стекла?

– Нет, она прозрачна, потому что состоит почти из одного жира. У голомянки к тому же нет чешуи. Вообще эта рыбка поразительная. Её в озере много, а в сети она попадает редко.

– Хитрая?

– Ещё какая хитрая! Она, понимаете, живёт в одиночку. Все рыбы собираются в стаи, а каждая голомянкa живёт сама по себе. И ещё вот что интересно. Омуль, и сиг, и вот эти бычки плавают вдоль и поперёк, а голомянкa только вверх и вниз, у неё нет сильных плавников, так что она покоряется воле волн. А ещё голомянкa не мечет икры, как другие рыбы, а приносит живых мальков сразу две, а то и три тысячи.

Пока нам всё это рассказывали, рыбки не стало: на газете расплзлось большое жирное пятно. Да косточки лежали посередине.

– А где голомянкa?

– Ух, ты! – спохватился один из учёных. – Пока я тут её расхваливал, она взяла и растаяла...

КАК БАЙКАЛ СЕРДИТСЯ

Был вечер, солнце висело в низких облаках, и вода казалась твёрдой, как створка морской раковины. Синий, фиолетовый, оранжевый цвета перемешались, и вода светилась.

– Какое перламутровое озеро! – закричал я.

– Море Байкал! Славное море! – сказал лодочник.

– Ага, море... – смущённо согласился я.

Но было уже поздно. Ещё не было ветра, а вода вдруг странно закачалась, будто кто-то огромной рукой взялся за байкальские берега и стал раскачивать каменное ложе озера-моря. И тут навалился ветер, мотор с трудом одолевал его. Мы то прорывались на несколько метров к Листвянке, то оказывались отброшенными назад. А ветер вспенивал воду, срывал с неё гребни, закручивал тысячами белых косичек.

– «Горная» дует! – закричал лодочник. – Опасный ветер...

Но вот между двумя сильными шквалами «горная» чуть притихла, лодка рванулась к молу, и через минуту мы были уже за волнобоем.

– Ух! – сказал лодочник. – Везучие мы, однако!

Всю ночь дула «горная». Но на берегу она была уже нестрашной. Давила на стёкла, царапала стены, брызгала туманной пылью, которую слизывала с пенных гребней. Под этот гул мы и уснули. Я увидел во сне нашу лодку, отважно летящую среди водяных валов. Потом Славное море затихло, выбросив на берег

прозрачную рыбку. Вот-вот растает рыбка голомянка. Я бегом слетел с откоса, бросил рыбку голомянку в тихую воду, она встрепенулась и спросила:

– Чего тебе надобно, старче?

– Чтобы успокоилось Славное море, чтобы перестал сердиться Байкал...

Утром море было тихим и пронзительно синим. Задумчиво гляделись в его воды берёзы и лиственницы. Высоко в небе плыли белые облака...

Список литературы

Сергеев, М. Д. Глоток океана / М. Д. Сергеев ; художник. И. Оффенгенден. – Москва : Советская Россия, 1964. – 19 с.: ил.

Сергеев, М. Д. Глоток океана / М. Д. Сергеев ; художник Х. Аврутис. – Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1965. – 31 с.: ил.

Сергеев, М. Голомянка / М. Сергеев // Сибирячок. – 2003. – № 5. – С. 16.

Сергеев, М. Д. Забавные сказки / М. Д. Сергеев ; художник В. Тетенькин, В. Фридеман. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1969. – 96 с.: ил.

Сергеев, М. Звуки Земли : избранная лирика ; стихи, ставшие песнями ; Из записных книжек / Марк Сергеев ; редактор-составитель Л. В. Иоффе. – Иркутск : Иркутская областная типография № 1 им. В. М. Посохина, 2006. – 176 с.

Сергеев, М. Д. Каждый день начинать себя снова : стихи / М. Д. Сергеев ; художник А. И. Аносов. – Иркутск : Сибирь; Письмена, 1996. – 480 с.: портр.

Сергеев, М. Д. Море синее – Байкал : рассказы / М. Д. Сергеев; художник А. Аземша. – Москва : Малыш, 1983. – 26 с.: ил.

Сергеев, М. Море синее – Байкал / М. Сергеев // Сибирячок. – 2009. – № 4. – С. 9–11.

Сергеев, М. Д. Море синее – Байкал : рассказы // Сибирячок : сказки, рассказы, стихи и загадки. – Иркутск, 1989. – Вып. 2. – С. 10–17.

Сергеев, М. Д. Море синее – Байкал : рассказы / М. Сергеев
// Сибирячок. – 1992. – № 2. – С. 17–20.

Сергеев, М. Д. Разноцветные сказки / М. Д. Сергеев ;
художник В. Нагаев. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное
издательство, 1996. – 160 с.: ил.

Байкал = Baikal : [альбом] / фотохудожник П. Малиновский ;
автор-составитель Марк Сергеев. – Москва : Галарт, 1993. – 238 с.
– текст парал. : рус. и англ.